

НЕЗАВИСИМЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ РОССИИ

ИЗДАЕТСЯ С МАЯ 1924 ГОДА

7

1999

ИЮЛЬ

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

ВОСПОМИНАНИЯ, ДОКУМЕНТЫ

Из общего тиража каждого номера институт «Открытое общество» выкупает и безвозмездно направляет в библиотеки России и ряда стран СНГ 4346 экземпляров журнала.

Адрес редакции: 125124, Москва, А-124, ул. «Правды», 11/13.
Телефоны: главный редактор – 214-62-05, заместитель гл. редактора – 214-63-64, ответственный секретарь – 214-34-44, отдел прозы – 214-51-68, отдел поэзии – 214-63-64, отдел критики – 214-71-34, отдел публицистики – 214-60-24.
Телефон для справок: 214-31-23.

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Октябрь».
Регистрационное свидетельство № 1 от 14 августа 1990 г.

Технический редактор Т. С. Трошина.

Сдано в набор 28.05.99. Подписано к печати 22.06.99. Формат 70х108 1/16.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 16,80. Усл. кр.-отт. 17,50. Учетно-изд. л. 21,61.
Тираж 8200 экз. Заказ № 1307. Цена 24 руб.

ОАО «Производственное объединение «Пресса-1».
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Григорий КАНОВИЧ

Шелест срубленных деревьев

НЕВЫМЫШЛЕННАЯ ПОВЕСТЬ

Имя

Домочадцы, кто в глаза, а кто за глаза, звали его не Шлеймке, не Шлейме, а с насмешливой высокопарностью — мелех Шломо — царь Соломон.

Библейское имя четвертому сыну дал не местечковый раввин Иехезкель Вайс, а придумал сам отец — сапожник Довид, который о других именах и слышать не хотел. Шломо — и все. Сапожничиха же, нареченная Рахелью, как и праматерь евреев, изо всех сил противилась своеволию мужа, ни за что не хотела ему подчиниться, с отчаянным упрямством, в полном согласии со старинным обычаем предлагала назвать новорожденного, седьмого в семье ребенка, по какому-нибудь из ее многочисленных и всеми чтимых родичей, прославившихся трудолюбием и набожностью, но давно почивших в бозе: Генех, Велвл, Файвуш, Лейзер или лучшего всего Зелик, по двоюродному деду, знаменитому в округе кантору, умершему в молодости от скоротечной чахотки; но муж, раньше уступавший ей и не перечивший, чтобы детей называли по мертвым родственникам жены, на сей раз взял и заупрямился — нет, нет и еще раз нет. Из всех прославившихся на свете покойников его сейчас устраивал только один, не родственник (седьмая вода на киселе), не чахоточник, который Бог знает, как пел, а царь древней Иудеи — Соломон мудрый!

— А если, Довид, наш сыночек, не приведи Господь, будет круглым дураком? — не сдавалась Рахель, по прозвищу Рыжая Роха.— Не разумнее ли выбрать имя Зелик? На нашей Заречной улице этих царей Соломонов, сам знаешь, как собак нерезаных. Окликнешь одного — сбежится целая дюжина.

— Чепуха... Что такое имя? Талисман. Оно хранит человека от напастей и бед. И от самой страшной из них — глупости.

— Хранит, хранит,— передразнила мужа сапожничиха.— Что с того, что тебя, скажем, назвали по-царски Довид? Кого ты, кроме меня, на свете одолел? Какого Голиафа? Какие воздвиг хоромы и какие нажил богатства? У сына нашего соседа Ицика Капера вообще не еврейское имя — Роберт, а у него, говорят, в Америке фабрика... Фа-бри-ка! — по складам выкрикнула она для вящей убедительности.— Так что, по-твоему, важнее — фабрика или имя?

— Имя,— упорствовал Довид.— Фабрика может сгореть, рухнуть, а имя — никогда. Имя — если его сам не подпалишь или не порушишь — выстоит.

От мудреных слов Довида у нее всегда начиналась изжога. Откуда он их только выскребывает?

— Есть уже у нас с тобой, слава Богу, и праотец Моше, и две праматери — я и Лея, даруй ей Господь долголетие и счастье. Ты хочешь, чтобы по нашему дому, как по земле обетованной, одни праотцы и праматери, пророки и пророчицы, одни цари и царицы шастали? Ну чем, скажи, плох Зелик?

— Зелик-Шмелик,— суча дратву, бормотал сапожник Довид.— Если тебе так хочется, чтобы у нас был еще и Зелик, то в следующий раз обещаю: все бу-

дел на полу. Мне было пять лет, и мне подали под елку банку американской свиной тушенки. И разрешено было дважды засунуть туда ложку.

Из-под елки я видел много еще людей, которые сидели за столом с чайными ложками в руках, у каждого имелся в запасе один раз, а у меня два, я был самый маленький, и я начинал.

Банку вскрыли и подали мне под елку. Ох, елка, тогда я в первый раз в жизни сидел под елкой на полу в доме у Красных ворот, от которых и двигался дальше по свету.

Я взял банку, а ложку уж давно имел и увидел, что консервы вскрыты и там виден белейший и сахарный мир. Это был не мир, а жир, но я думал — мир...— и я набрал полную ложку мира под названием «тушенка» — и засосал этот мир, мир первой ложки меня очаровал.

Все кричали:

— Давай, давай, ешь вторую, раз тебе позволено. Скорее! Скорее! Моя очередь!

И я воткнул вторую ложку, и медленно поворочал ею, и набрал полную белейшего мира, и еще не слизнул, как у меня выхватили банку.

Эту вторую ложку я сосал всю новогоднюю ночь, и долго мама не могла меня вытащить из-под елки, и с ложкой во рту, которая пахла еще тушенкой и алюминием, лег я спать.

Я хочу остаться верным своей безобразной героине — тушенке.

Признаюсь, я и сейчас имею в запасе несколько банок ее, так, на всякий случай. Вот уже три года лежат они под негрунтованными холстами, там, в красном сундуке, на котором написаны птица сирин и полногрудая русалка в пенсне.

Идучи от Натальи ранним утром, стал я сочинять песню:

Пора попрощаться мне с вами,
Любители выпить всерьез!
Пора мне заняться делами,
Предаться писанию проз.

Коньяк в неумеренных дозах
Пора прекратить принимать.
И думать о прозах,
Изысканных прозах,
Божественным прозам внимать.

Осенняя россыпь мозаик
Гоняет над Яузой лист.
В начале я только прозаик —
И только в конце гитарист.

И в литературном обозе
Мне местом пора дорожить.
И думать о прозе,
Изысканной прозе,
Божественной прозе служить.

Но все-таки после обоза
Бывает, простите, навоз.
И так ли нужна эта проза,
Везущая хворосту воз?

Так что же мне в жизни осталось?
Идти за обозом пешком,
Чуть-чуть, ненавязчиво, самую малость
Свой путь поддержав коньячком.

Мне надоела череда дней. Всё чередуются, чередуются, день за днем, день за днем. Надоело ужасно, а не хочется, чтоб кончалось.

Публикация Натальи КОВАЛЬ.
Подготовка текста Юлия ФАЙТА

Геннадий ЛИСИЧКИН,
доктор экономических наук

Ловушка для реформаторов

Со смертью Сталина кончился беззаботный период, когда казалось, что все действительное в России разумно, а все разумное уже действительно, поскольку в Советском Союзе накануне войны был построен «фундамент социализма», а после — и сам социализм, якобы самый справедливый в истории человечества общественный строй. Всякого рода недостатков в жизни общества было много, но советские люди верили в то, что им внушали и внушили: недостатки эти временные, и происходят они не от новых архисовершенных порядков, а от «родимых пятен капитализма» и недобросовестности отдельных людей.

И вот вдруг заговорили даже не о совершенствовании, не о перестройке, а о глубоком реформировании сталинской модели социализма. Даже отказе от нее в целом. Радоваться бы этому, зная все советские выкрутасы. Но не будем торопиться с очередным восторгом по поводу очередных реформ.

Во все времена реформы на Руси были верным признаком беды. Кто сомневается в этом, пусть вновь почитает о том, что делалось в нашей стране и при Иване Грозном, и при Петре I, и при крепостном праве, и при столыпинских реформах. А уж про советские реформы и читать ничего не надо. У всех на памяти и коллективизация, и борьба с владельцами приусадебных хозяйств, и многое, многое другое. Но сейчас речь не об историческом прошлом, а о том, чтобы **понять общие причины всех неудач российских реформ, ибо они-то и продолжают гробить все нынешние инициативы по выводу России из кризиса.** В этой связи, на мой взгляд, надо обратить внимание в первую очередь на следующее.

Кто мы — язычники или христиане?

Наши реформаторы во все времена, приступая к преобразованиям, все внимание сосредоточивали исключительно на материальной стороне дела. Гуманистический, нравственный фактор игнорировался полностью. Из-за этого даже самые добрые намерения, закладываемые в замысел тех или иных реформ, обрекались на неизбежные неудачи. Поэтому передовые общественные деятели России всегда были в оппозиции к реформаторам. Даже тогда, когда, казалось бы, они должны были всячески помогать им. Например, при отмене крепостного права, когда герценовский «Колокол» призывал к топору в «благодарность» за дарованную крестьянам свободу.

Вот и сейчас наши реформаторы оказались в глухой изоляции, без поддержки тех, кто отстаивает интересы созидательного большинства россиян. Почему? А. И. Солженицын, размышляя о том, «Как нам обустроить Россию», дает, на мой взгляд, исчерпывающий ответ на этот злой вопрос: «За что б мы ни взялись, над чем бы мы ни задумались в современной политической жизни — никому из нас не ждать добра, пока наша жестокая воля гонится лишь за нашими интересами, упуская не то что Божью справедливость, но самую умеренную нравственность».

Кто же защитит «простого» человека от всяческих несчастий, грозящих ему со многих сторон? Кто подумает о его душе? Защитит эту самую «умеренную нравственность»? Одно время казалось, что в советской системе с этим справятся люди, ос-

воившие известный «моральный кодекс коммуниста», партийные и комсомольские собрания, райкомы партии и т. п., увлеченно расследующие персональные дела с последующей выдачей «волчьих билетов» тем, кто этот кодекс в чем-то нарушил, и, конечно же, всесильные органы НКВД и их преемники. Иными словами, религиозные мотивы поведения человека пытались заменить партийными. Как известно, ничего хорошего не получилось. А после развала СССР, после ликвидации и этих призрачных вех морального поведения духовное разложение россиян, как мы сейчас видим, пошло лавинообразно. И тогда власти задумались о том, не вернуться ли к помощи Церкви, чтобы спасти Россию от морального краха. Действительно, не пора ли одуматься россиянам после революционной вакханалии? Но смогут ли религия, православие, Церковь помочь стране встать на ноги?

На первый взгляд кажется, что да, могут. Христианство, которое, по словам К. Леонтьева, «содержит в себе все, что есть сильного и хорошего во всех религиях» (К. Леонтьев. «Восток, Россия и славянство». М., 1996, с. 97), как раз и печется о душе всех, кто исповедует эту религию. Не убий, не укради, возлюби ближнего, как себя...— разве эти заповеди не то самое, что нужно людям для счастливой жизни? Христианство с его гуманистическими заповедями, неформальное внедрение его в жизнь — не то ли самое средство, которое должно одухотворять и облагораживать реформаторскую деятельность? Не оно ли должно уравновесить реформаторский материализм духовной, нравственной деятельностью?

Вера, религия, Церковь — это не одно и то же, хотя Церковь и претендует на то, чтобы быть синтезатором этих трех понятий. Как же удается ей справляться с труднейшей задачей христианизации, т. е. гуманизации общества? Посмотрим на этот процесс в исторической динамике.

Россия, к сожалению, не успела по-настоящему пройти школу христианства, не успела в должной мере воспринять его гуманистическую сущность. Это тем более обидно, что, как свидетельствуют историки, начинали-то мы очень даже неплохо постигать сущность христианской религии. Тогда как Рим и Константинополь уже утверждали, что «Бог не нуждается в человеке, а император нуждается в Боге», Владимир Мономах, крестивший Русь, исходил из противоположного. Он больше говорил не о правах, а об обязанностях власти. И себе в заслугу он ставил, что «тоже и худого и убогые вдовице не дал есм сильным обидети». Властитель, считал он, обязан не позволять «пакости деяти отрокам ни своим, ни чужим ни в селах, ни в житех».

Образ идеального правителя рисуется Владимиром на основе ранней демократической традиции в христианстве, уже преданной забвению и Римом, и Константинополем. И это не только потому, что Владимир был таким уж демократом. Он должен был считаться с общинными, демократическими традициями своего времени. Прежде всего с практикой городского самоуправления. Да и славянские первоучители Кирилл и Мефодий больше ориентировались на раннее христианство, нежели римские папы и византийские патриархи. Внешний отличительный их признак — почитание апостола Павла, наиболее последовательно отстаивавшего равноправие народов и демократических традиций (см. «Введение христианства на Руси». М., 1987, с. 26).

Монгольское иго сначала физически, а потом и духовно отбросило нас на века от стартового рубежа. Что касается духовного разгрома Руси монголами, то специалисты изображают эту картину так: «Если уподобить древнерусскую книжность в канун Батыева нашествия мозаичному полу огромного зала, то все, что осталось от него,— это кучка осколков, умещающихся в домашний совок. Примерно таково же соотношение существовавшего и сохранившегося применительно к книжности Киевской Руси». А ведь это были первые, здоровые ростки, выросшие на поле христианизации Руси («Введение христианства на Руси», с. 154).

Бедное и разворованное наследство — не такое уж большое горе. Его можно при определенных условиях быстро накопить. И от дурного (ордынского) наследства можно постепенно избавиться, если оно не генетическое. А оно не генетическое. В нашей основе — демократические Киев и Новгород, а не Орда. Но судьба наша российская сложилась крайне неудачно еще в одном отношении.

Наша христианская Церковь, медленно и с большим трудом начавшая было до монгольского нашествия осваивать и распространять христианство (а это затруднялось еще и тем, что служба была на непонятном не только народу, но и большинству русских священников греческом языке), в долгие, долгие годы монгольского ига оказалась в беде не со своим народом, а в союзе с его поработителями. Г. В. Плеханов замечал по этому поводу: «Великое народное несчастье — татарское нашествие — принесло большую пользу «богомольцам» русской земли, которые, со своей стороны, умели ценить любезность «неверных и нечестивых царей» (Плеханов Г. В. Сочинения. Т. 20. М.— Л., 1925, С. С. 81—82). Вот что писала об этой сделке духовенства с иноземными захватчиками сама церковная печать дореволюционной поры: «В татарский или монгольский период независимое положение церкви нашей упрочилось благодаря покровительству татарских ханов Золотой Орды. В этот период времени церковь наша получает от ханов особые привилегии, благодаря которым духовенство благоденствует и становится крупной капиталистической величиной» (Странник, 1912, № 8, с. 149).

Церковь была полностью освобождена от уплаты дани, всяческих пошлин, тяжелых повинностей, наложенных на остальных россиян. Все церковные недвижимые имения признавались неприкосновенными, и церковные слуги, т. е. рабы и холопы, объявлялись свободными от каких бы то ни было общественных работ.

Конечно, все эти подачки давались не бесплатно. Во всех «ярлыках», выдававшихся русским митрополитам, золотоордынские ханы специально подчеркивали, что привилегии предоставлялись церкви и ее священнослужителям в оплату за освящение ханской власти. Историки отмечают, что даже в период освободительной борьбы русского народа против золотоордынского ига (XIV—XV вв.) большая часть священнослужителей продолжала в собственных интересах сотрудничать с захватчиками и призывала прихожан своих храмов терпеливо переносить гнет татар, проявляя смирение и покорность (Н. С. Гордиенко. Крещение Руси. Л., 1984, с. 180).

Так что патриотический поступок Сергея Радонежского, поддержавшего Дмитрия Донского, никак не может обелить общего поведения нашей Церкви в тяжелейший период российской истории. Могло ли христианство успешно утверждать себя на Руси, если духовенство так долго и глубоко дискредитировало себя сотрудничеством с «нечестивыми» врагами русского народа? Конечно, нет!

Пушкин в письме Чаадаеву так пишет по поводу судьбы христианства на Руси в период татарского нашествия: «Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы **должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру** (выделено мной.— **Г. Л.**), так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех» («Русская идея». М., 1992, с. 50).

Смогла ли Россия преодолеть эту отчужденность от христианского мира после освобождения от татарского ига? Думаю, нет. И прежде всего потому, что подлинное христианство, защищающее права человека, ненавистно всем реформаторам, стремящимся к полной, неограниченной свободе в своем безудержном стремлении все делать, как в голову взбредет.

В послемонгольский период Церковь перешла на содержание теперь уже самодержавного государства, превратившись в один из департаментов госаппарата. Причем не самого лучшего. Чего стоит только одно ее согласие докладывать в 3-е отделение все подозрительные сведения, полученные во время исповеди прихожан в церкви! Реформатор Петр I нанес смертельный удар Церкви, религии, выхолостив нравственные начала из реформаторской деятельности на долгие времена. Антинародную сущность деятельности Церкви признавали и критически мыслившие российские богословы. Профессор протоиерей Е. Аквилов писал по этому поводу: «**Духовенство не протестовало ни против петровых насилий, ни против бироновщины, ни против аракчеевщины, ни против кнута, шпицрутенов и виселиц, ни против крепостного права, ни против взяточничеств и бессудия. Духовенство тщательно сторонилось от ужасов народной жизни и всему провозглашало многая лета**» (Странник, 1905, № 5, с. 809).

Государство Российское подмяло под себя российскую Церковь. Лишило ее элементарной автономии, права самостоятельно оценивать те или иные его действия не с позиций сиюминутного политического интереса, а с позиций истинного христианства, с позиций по крайней мере известных заповедей. Об этом, собственно, и говорит протоиерей Е. Аквилов, сокрушаясь, что Церковь по любому поводу торопится восславить деятельность государства, «провозглашая многая лета». В переводе на наш, современный понятийный расклад между государством и Церковью сложились такие же отношения, как между КПСС и профсоюзами. Или между КПСС и комсомолом: «Партия прикажет, комсомол ответит — есть!» Такая форма сотрудничества оказалась самоубийственной не только для КПСС и

профсоюзов, комсомола, но и для Российского государства, для Церкви. И в том, и в другом случае была нарушена «обратная связь» между властью и народом. И потому все громоздкое общественное российское устройство оказалось обреченным на разрушение.

В 1917 году рухнули в России не христианство, не религия, а Церковь. Связав себя намертво с судьбой самодержавия, она и разделила его судьбу. Большевики, если бы даже хотели, не смогли бы тогда спасти Церковь от разгрома, столь же постыдного, сколь постыдно было ее служение властям, а не народу.

Можно, на мой взгляд, сказать, что в послемонгольский период **Церковь подменила христианскую религию на антихристианскую. Она стала религией господ, а народ остался без пастыря, без своей религии.** Давайте задумаемся только над одним очень важным фактом. Как известно, христианство возникло и распространялось у народов, покоренных Римской империей. Они заявили о своих человеческих и национальных правах, вступив в ожесточенную борьбу с теми, кто считал их скотом, обычным движимым имуществом. Христиане рассуждали тогда очень логично и гуманистично: Бог создал человека по образу и подобию своему. Если согласиться с этим, то Бог-то не был ничьим рабом, следовательно, по «его образу и подобию» и все люди должны быть тоже богоподобными, т. е. свободными. Ну поскольку Он создал нас такими, как Он сам, то мы можем и должны признать Его Отцом нашим и уважительно обращаться к Нему не иначе как Отче наш... А отец и господин-повелитель — понятия принципиально разные.

О Боге-отце можно думать и так, как известный бельгийский скульптор О. Стребелль: «Не Бог сотворил человека по образу своему и подобию, а человек сотворил Бога, вложив в него свои устремления». Т. е. Бог — это мечта человека о Человеке (МН, 1999 г., № 7).

Российское послемонгольское христианство внесло «небольшую», но очень существенную поправку в отношения Бога и человека. Оказывается, никакие мы не дети Божьи, а рабы его. Посмотрите надгробные камни: везде высечено — «преставились раб, раба Божья» такие-то. Ну до Бога, положим, далеко, и можно было бы смириться даже с таким неожиданным поворотом: назови хоть горшком, только в печь не ставь. Но нас-то как раз под этим предлогом и сунули, как Сергея Лазо, в топку.

Российский самодержец был объявлен Церковью помазанником Божьим, т. е. чрезвычайным и полномочным послом его на нашей грешной земле. А отсюда уже по железной логике следует, что все россияне являлись рабами и не только Божьими, но и своего государя, вольного ими располагать по своему усмотрению и капризу, передавая право распоряжаться рабами своим слугам.

В таком случае крепостное право на Руси выглядит как Божье предписание, а противление ему — богоотступничество, за которое надо жестоко карать. Вот и карали российские власти с благословения Церкви сотни тысяч крестьян, участвовавших в крестьянских войнах Степана Разина, Емельяна Пугачева, Болотникова... А ведь это была стихийная борьба за права человека, преданные Церковью. Поэтому на нее всякий раз и обрушивался гнев народа.

Христианство на Западе развивалось в направлении постепенного освобождения человека от разных форм рабства, по пути «выдавливания» из человека раба. На Руси — в прямо противоположном направлении, в направлении внедрения в сознание россиян психологии раба, возврата страны в дохристианское, почти языческое состояние, прикрываемое церковной словесной схоластикой и пышными, отвлекающими от сути религии обрядами.

Конечно, среди священников было немало настоящих героев, боровшихся за чистоту христианской религии, но не они определяли общее состояние дел в религиозной среде. Это так же, как у коммунистов. Среди них тоже было немало искренних работников, бойцов, но и они нужны были в лучшем случае для прикрытия неблаговидных дел вождей, иерархов всех рангов.

С христианством на Руси произошло то же самое, что потом и с российским социализмом: «Родила царица в ночь не то сына, не то дочь!.. а неведому зверушку». И тогда и сейчас нам подсунули мутанта. И россияне не могли этого не понять, поскольку на собственной шкуре почувствовали разницу между учением Христа и практикой его внедрения в жизнь. Вот тут-то мы еще раз разошлись с Европой. Там Церковь, сохраняя определенную автономию от властей светских, худо-бедно представляла кое-какое убежище, защиту для своих прихожан от своеволия государства, государей. Наше Российское государство не позволило Церкви стать совестью народа. Оно сломало хребет, унизило священников до положения госслужащих даже не

первого или второго разряда, а еще ниже. Показательно, что лишь указом Александра I от 22 мая 1801 года священники и диаконы были освобождены от телесного наказания. А до этого судьи то и дело приговаривали пастырей к наказанию кнутом на площади. Легко представить себе, как малоавторитетны были несчастные попы в глазах населения (Г. Чулков. Императоры. М., 1991, с. 79).

Поп, попадья, попова дочка в народном творчестве всегда были мишенью самых разнообразных насмешек. Достаточно перечитать сборник А. Н. Афанасьева, вспомнить пословицы и поговорки о попах, чтобы удивиться и задуматься над фактом глубокого неуважения народа к Церкви («Все продаст дьяк за пятак»; «Поп, что клоп, тоже людскую кровь пьет»; «Наш отец Тит и в великий пост блудит»; «Отец Кирьян и в великую пятницу пьян» и т. п.).

Как бы подводя итог христианизации России, В. Г. Белинский в знаменитом «Письме к Н. В. Гоголю» писал: «По-вашему, русский народ самый религиозный в мире: ложь! Основа религиозности есть пиетизм, благоговение, страх Божий. А русский человек произносит имя Божие, почесывая себе задницу... Приглядитесь попристальнее, и вы увидите, что это по натуре глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности... Мистическая экзальтация не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме, и вот в этом-то, может быть, огромность исторических судеб его в будущем. Религиозность не привилась в нем даже к духовенству, ибо несколько отдельных исключительных личностей, отличающихся тихою холодною аскетичною созерцательностью, ничего не доказывают. Большинство же нашего духовенства отличалось только толстыми брюхами, схоластическим педантством да диким невежеством».

О том же самом писали Герцен, Добролюбов, многие другие выдающиеся русские мыслители. В чем же дело? Неужели россияне по природе своей такие кровожадные, что им глубоко противны христианские заповеди жить не во лжи, возлюбить ближнего своего как самого себя? Призыв «не убий», «не укради» тоже противен россиянину? Как раз наоборот. Сросшаяся с государством Церковь оказалась на стороне тех, кто убивает, лжет, крадет, натравливает людей друг на друга. Церковь в России поэтому не смогла ни в малой степени сыграть роль нравственного лидера. Народ был предан и остался без нравственного пастыря.

Превращение российского христианства в религию господ обрекало россиян на нравственный голод и, следовательно, на самостоятельные поиски путей выхода из духовного кризиса. В этой связи нельзя пройти мимо опыта народного свободомыслия, возникшего в России с расколом. Анализируя его, Г. Гульчинский замечает: «Если где и сложилось самобытное православие, так это в староверческих общинах» (Вопросы философии, 1997, № 3, с. 22). Примечательно: большую часть процветающих российских капиталистов начала века составляли именно староверы. Да и сегодня наши староверы являются своеобразным оазисом в среде бездуховности, беспросветной лени, мерзкого стяжательства. Этот факт нужно бы учесть и нашим предпринимателям, ибо только нравственность обеспечивает надежный бизнес, а расчет на «хапок» ведет к тому, что замечено в пословице: как веревочке ни виться, будет ей конец. Жалко, конечно, что не сразу. Но...

Официальная Церковь, как известно, и к староверам, и к язычникам относилась как к еретикам и подвергала жестоким гонениям, не пытаясь найти компромисса. И вот в духовной нише россиян образовалась пустота. Официальная Церковь не хотела найти путей к душе народа, а самостоятельные народные поиски в этом направлении преследовались и государством, и Церковью. Этим ловко воспользовались большевики, захватив пустующую духовную нишу нации, прельстив народ богатыми, красивыми, но демагогическими обещаниями. Об этом говорил Н. А. Бердяев: «Социализм — есть знак того, что христианство не осуществило своей задачи в мире» (Новый мир, 1990, № 4, с. 241). Об этом же писал Е. Е. Голубинский, автор глубокого исследования «История русской церкви»: «Мы и доселе продолжаем язычествовать» (М., 1901, т. I, ч. II, сс. 838—839). О полуязыческом характере православия говорил и П. А. Флоренский (Вопросы философии, 1997, № 5, с. 55).

Специфику русской религиозности В. В. Розанов характеризовал следующим образом: «Духовенство сумело приучить весь российский народ до одного человека к строжайшему соблюдению постов; но оно ни малейше не приучило, а следовательно, и **не стремилось приучить** русских темных людей к исполнительности и аккуратности в работе, к исполнению семейных и общественных обязанностей, к добросовестности в денежных расчетах, к правдивости со старшими и сильными, к трезво-

сти. Вообще не научило народ, деревни и села, **упорядоченной и трудолюбивой, трезвой жизни.** Это имело страшные, тяжелые последствия. Бывали случаи в России, что темный человек зарежет на дороге путника, обшаривая его карманы, найдет в них колбасу; тогда он ни за что не откусит от нее куска, если даже очень голоден, если убийство случилось в постный день, когда Церковью запрещено употребление мяса. Это ужасный случай, но он действителен (Толстой вывел его во «Власти тьмы», где даже убивают новорожденного ребенка, предварительно надев на него крест, т. е. приобщив его к составу верующих, введя в Церковь» (В. В. Розанов. Сочинения. Т. 1. М., 1990, с. 359). Такое христианство не могло не устраивать большевиков, легализовавших массовое убийство единоверцев.

Церковь в России не стала защитницей нравственности, высокой морали, справедливости. Поэтому народ ее всегда громил, как только представлялась возможность. И при Разине, и при любых обстоятельствах. Поскольку у этого печального явления такое страшное прошлое, то следовало бы Церкви задуматься: а за что же так давно и зло ее ненавидит народ? Конечно, самое простое сказать, что сам русский народ плох и недостоин святой Церкви. Но в данном случае уместно вспомнить мудрое замечание Сталина в ответ на доносы о пороках советских писателей: «Нет у меня других писателей»,— обреченно заметил вождь. У Церкви тоже нет других прихожан, чем те, которые есть в России.

Если до революции реформаторы как-то прикрывали свою деятельность псевдохристианством, то большевики начисто выбросили и это ограничение. Морально все, что полезно революции,— объявили они устами Ленина. Что это значит, мы теперь хорошо знаем. Сейчас начинается протрезвление и намечается возврат к общечеловеческим, христианским ценностям. Многие россияне с надеждой смотрят на Церковь, которая объявит священную войну всяческой мерзости.

У Церкви, как и у народа, свои грехи перед российской историей. И настало время не только признать их, но и замаливать, освобождаться от них, чтобы вернуться к служению Христу, а не безоговорочно подчиняться царским или советским властям. Россия уже давно мается не от безденежья, а от краха нравственных начал — первопричины российской материальной нищеты. Церковь не поможет духовному возрождению россиян, если будет восстанавливать себя на своей прежней, государственной основе. А такая опасность весьма реальна — посмотрите, как нынешняя власть заигрывает и заманивает Церковь в свои объятия, чтобы в этих объятиях вновь ее задушить. Оглянитесь вокруг. Разве не так?

Войдешь в тот же Храм Христа Спасителя и не знаешь, кто в нем хозяин: экскоммунист Ю. Лужков или Патриарх Всея Руси?

Но не только нынешняя власть корыстно добивается любви Церкви. Церковь и сама не прочь вновь на выгодных условиях ей отдаться. Отчего это происходит? Автор этих строк очень далек от церковных дел, чтобы ответить на этот вопрос. Но сошлюсь на мнение авторитетов из лона самой Церкви. Например, игумен Вениамин считает, что Церковь в лице своего первосвященника — патриарха нравственно была просто обязана участвовать в захоронении останков царя и его близких.

Никакие панихиды по царю, которые и раньше неоднократно совершали, этого не заменят. Почему же этого не произошло? «Единственная причина неучастия на высшем уровне в захоронении,— считает игумен Вениамин,— это страх перед всякого рода черносотенцами (иногда с дипломами), которые до сих пор задают основной тон церковной жизни. Странно такое «воздержание» выглядит и на фоне активного по тем временам участия Русской православной церкви в погребении Сталина. Достаточно посмотреть соответствующие панегирики «мудрейшему из мудрейших» в журнале Московской Патриархии за 1953 год» (МН, 1998, № 28).

Видимо, прав игумен, если вспомнить, в частности, недоумение общества в связи с недавним (май 1998 г.!) приказом епископа Екатеринбургского Никона публично во дворе духовного училища в поучение будущим пастырям и мирянам сжечь книги о. Александра (Шмемана), о. Иоанна (Мейндорфа) и о. Александра (Меня). О позорных обстоятельствах этого аутодафе рассказывают «Известия» (18 июня 1998 г.).

Та же тревога о судьбе православия в России звучит и в словах А. Смирнова, известного кинематографиста, писателя: «Православная церковь? Я продолжаю в нее ходить, это важная составляющая моей духовной жизни, но я не могу не видеть, как РПЦ становится КПСС, избавляясь от всякого, кто был способен на принципиальный поступок. И опять возникает проблема: не станет ли посредником твоего общения с Богом ФСБ, как в свое время был КГБ?» (Общая газета, 1999, № 6).

Такое ли православие способно привить россиянам чувство терпимости? Так ли Церковь будет помогать установлению в России гражданского мира, без которого не может быть нормальной жизни?

Сегодня мы много говорим о реформах в экономике, о реформах в армии, о реформах в образовании. Но о реформах в Церкви ничего не слышно. Как будто нас сдерживают обязательства о невмешательстве во внутренние дела иностранного государства. Но Церковь-то наша не иностранное государство, а важная часть единого российского организма. И очень важная часть, способная нормализовать нравственные процессы в жизни общества. Церковь, которая привлекает мирян как разновидность бизнес-шоу, а не своей проповедью гуманизма, не может помочь реформировать Россию и оторвать ее от язычества.

Кризис в официальной Церкви, духовный голод, обострившийся еще больше после краха советских идолов, привел к тому, что **многие из нас сейчас ни в Бога, ни в черта не верят.** Теперь мы не можем назвать себя ни христианами, ни язычниками. Поэтому в России такое раздолье для сумасшедших сектантов типа сатанистов, Аум Сенрике и т. п.

Российское безверие — не досужий домысел. Это подтверждается социологическими исследованиями, материалы которых опубликованы, в частности, в «Вопросах философии» (1997, № 6). Вот только один фрагмент оттуда: «Абсолютное большинство русских — не атеисты и не верующие. Как «колеблющихся» и «неверующих» (но не атеистов) определили себя только 54% опрошенных (и еще 6% вообще не сумели себя определить). А если мы примем во внимание, что большинство «верующих» в строгом смысле слова никак верующими не являются (даже 4% «традиционных» верующих — цифра, основанная на очень либеральных критериях «традиционности»), а среди атеистов тоже есть меньшинство, имеющее отнюдь не атеистические представления, то **людей с неопределенным, не религиозным и не атеистическим мировоззрением окажется абсолютное большинство, почти весь современный русский народ»** (с. 38) (выделено мной.— **Г. Л.**).

По сути, это подтверждает и Патриарх Алексий II: «Не секрет — многие люди пришли в Церковь скорее из поверхностного интереса и желания облегчить груз жизненных проблем, нежели вследствие жажды настоящей внутренней перемены. Вот почему теперь надо больше уделять внимания духовному просвещению наших прихожан, миссионерской работе среди тех, кто ощущает себя православным по историческим и культурным корням, но по тем или иным причинам еще далеко отстоит от подлинной церковности» («Труд», 17 февраля 1999 г.).

Читатель может справедливо заметить: экономические реформы и религия — что общего может быть в двух этих областях? Одни ориентированы на «чистоган», на прибыль, на осязаемо-материальное, религия же, наоборот, печется о душе. Почему автор пытается совместить несовместимое? Потому, отвечаю, что эти области составляют неразрывное целое. Религия в нашем случае — это не иконы, не обряды, не церковные мифы, а философия, исторический взгляд на современность. И христианин (настоящий) отличается от «язычника» не обрядами, а жизненной философией. Христианин не пойдет **добровольно** в «продотряд» отнимать хлеб у голодающих крестьян, не будет активистом при раскулачивании, не станет бороться с космополитами, не будет делать многих других известных нам жестокостей. «Язычник» есть человек, зараженный «бесовщиной». На кого из них ориентированы наши реформы?

Сейчас уже который год наши реформаторы говорят о необходимости гражданского согласия между всеми противоборствующими ветвями власти. Проф. В. Шубкин по этому поводу справедливо, на мой взгляд, замечает (Новый мир, 1991, № 6, с. 199): «Предлагают создать без промедлений правительство национального доверия. Кто может против этого возразить? В Польше, говорят, такое создали. Давайте и мы соорудим. Тем более что ему предназначается провести целую серию непопулярных мер. При этом не учитывают, что ситуация у нас совсем иная. Когда мы говорим о правительстве национального доверия, мы переходим из области экономических, социальных, политических, технических материй в тонкую, хрупкую сферу нравственных, духовных явлений. Она по приказу не создается, да и на материальном интересе ее не укоренишь.

Мы, безбожники, до сих пор не можем понять, что в Польше практически никогда не было тоталитарного беспредела. Там всегда существовала мощная католическая церковь, за которой шло абсолютное большинство населения и которая не только давала образцы нравственного поведения, но и одним своим моральным авторитетом существенно ограничивала светскую власть. Церковь там не была скомпрометирована ни сотрудничеством с фашистами, ни покорностью перед коммунистами. Корреспондент «Литературной газеты» Леонид Почивалов однажды в беседе с кардиналом Глемпом заметил: «Я читал, что ни один польский католический свя-

щенник не пошел на сотрудничество с гитлеровцами». И кардинал ответил: «Я тоже не слышал о таких случаях». Что же касается периода послевоенного, то при кардинале Вышинском и при кардинале Глемпе церковь всегда противостояла властям и полностью сохранила национальное и даже мировое признание, которое и выразилось затем в избрании кардинала Войтылы главой римско-католической церкви папой римским».

Наши реформаторы пишут свои реформы, так сказать, с чистого листа, как будто до них никто не ломал голову над тем, на какой философии строить жизнь в стране: на принципах грабительской продразверстки или на принципах стимулирования созидания; на стремлении как можно больше убивать или на том, чтобы жизнь сделать краше.

Экономические реформы не могут быть успешными там, где воровство, грабеж, насилие стало «делом чести, доблести и геройства». Безнравственность государства и граждан парализовала общество. Но нравственность не восстанавливается в одночасье, несколькими статьями в печати. Для нравственного разложения российского общества в стране была создана и эффективно действовала сеть партийной учебы, успешно внедрявшая в неокрепшие головы россиян философию марксизма-ленинизма. И она, эта система, обеспечила тот жуткий результат, который мы имеем. К сожалению, для ликвидации последствий этой катастрофы у нынешних властей нет ни желания, ни сил, ни даже понимания необходимости принятия мер в этой тонкой области. Нравственный аспект у наших реформаторов выпадает из поля зрения и передоверяется в лучшем случае силовикам.

На границах России идет ускоренная духовная консолидация пробудившихся к самостоятельной общественной жизни народов, исповедующих свои религии. Противостоять соседям только оружием, как показывает опыт Чечни, не самый лучший способ. Поэтому очень важно, чтобы и наша Церковь не отстала в своем реформировании от развития событий в мире. Свято место пусто не бывает. На «языческую» духовную целину уже «положили глаз» западные миссионеры. Как сообщалось в печати, на территорию стран СНГ в ближайшие пять лет направляются двести тысяч евангелистских проповедников. Они откроют двести тысяч приходов, и это против десяти тысяч приходов Русской православной церкви («Правда», 4 августа 1993 г.).

Православие должно сыграть свою важную роль в духовной интеграции россиян. Но выполнить ее оно сможет лишь при поддержке ведущих интеллектуалов и прислушивающихся к ним людей. Усилий одних нынешних церковных служащих в их возрасте и с их образованием явно недостаточно.

Об интеллигентах, интеллигентности и полуинтеллигентах

Теперь о другой причине всех неудач нынешних российских реформаторов. Давайте присмотримся к их составу. Не поименно, а с точки зрения их социального происхождения, уровня образования. О том, что почти **все они вышли из интеллигенции,** из «хороших» семей, имеют как минимум высшее образование, говорить не приходится. А в их главных штабах — сплошь доктора наук, академики, профессора. Для некоторых людей это повод дать свою «разгадку» наших бед: виноваты-де во всем интеллигенты, они же евреи и скрытые масоны.

К сожалению, так думает не только генерал Макашов, прославившийся не столько победами на полях боевых сражений, сколько своими высказываниями в упомянутом духе, но и масса людей, аплодирующих ему сегодня. Отмахнуться от этого бреда проще простого, а вот разобраться в его причинах необходимо. Бредовые идеи бредовых людей, как мы знаем, не раз приводили Россию к краю пропасти. Как же наша интеллигенция навела на себя такое тяжкое подозрение? Чтобы ответить на этот вопрос, надо уточнить само понятие «интеллигенция», очертить круг людей, входящих в это сословие.

Российская интеллигенция — публика пестрая, и разобраться в том, «кто есть кто», очень трудно. Действительно, есть интеллигенция творческая (значит, существует и не творческая?); техническая интеллигенция; интеллигенция сельская и городская (по месту жительства или по качеству?); есть интеллигенция трудовая (значит, есть и «тунеядствующая», типа И. Бродского?); есть, оказывается, еще и партинтеллигенция (Дружба народов, 1989, № 11, с. 215), видимо, секретари обкомов и выше; есть, наконец, буржуазная и советская интеллигенция — ну тут все ясно: «за» или «против» большевиков. О неопределенности российских представлений о границах интеллигентского сословия свидетельствует такой анекдотичный случай. На одном из конгрессов Василий Белов спросил у вполне интеллигентной аудитории: «Сусанин — интеллигент?» Зал дружно ответил: «Да!» (Литературная газета, 4 июня 1997 г.).

Как видим, рамки интеллигентского сословия весьма неопределенны. Но это так только кажется. На самом деле их можно рассмотреть при более тщательном наблюдении. Поскольку советская интеллигенция объявляет себя «правопреемницей» интеллигенции дореволюционной, посмотрим на характеристику «родителей». Откуда они взялись на Руси и что оставили нам в наследство? Отвечая на этот вопрос, Петр Струве писал вскоре после революции 1905 года: «Русская интеллигенция как особая культурная категория есть порождение взаимодействия западного социализма с особыми условиями нашего культурного, экономического и политического развития. **До рецепции социализма в России русской интеллигенции не существовало, были только «образованный класс» и разные в нем направления»** («Вехи». Сборник статей о русской интеллигенции. М., АПН, 1990, с. 149). Чтобы стать на Руси интеллигентом, а не просто образованным человеком, надо, следовательно, быть **прежде всего социалистом.**

Наши реформаторы с гордостью ведут свою родословную именно от этой породы людей. Попытаемся теперь разобраться, какими же качествами надо обладать, чтобы причислять себя к разряду такой интеллигенции. Собственно, нам-то это делать ни к чему, поскольку эту работу сделали авторы упомянутого выше сборника — Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, А. С. Изгоев, Б. А. Кистяковский, П. Б. Струве, С. Л. Франк. Если резюмировать их труд, то в характеристику российской интеллигенции надо записать следующие особенности.

Чтобы стать интеллигентом-социалистом, надо обязательно быть «книжником» — иметь уйму времени для чтения и участия в бесконечных спорах со своими коллегами о смысле жизни и ее революционном переустройстве. Ясно, тот, кто пашет, сеет, стоит целый день у станка, преподает в школах, лечит больных и т. д., интеллигентом в упомянутом смысле стать не может. Социалистов-книжников Н. Бердяев называет «кружковой интеллигенцией», искусственно выделяемой из общенациональной жизни и живущей своей замкнутой жизнью.

Советская интеллигенция это качество — кастовость — не только сохранила, но и довела до гипертрофированного состояния. Союзы писателей, журналистов, художников, композиторов... Каждая каста интеллигентов, выторговав привилегии и установив иерархические порядки, замкнулась в границах своих кругов не только от народа, но и от своих собратьев по сословию. Сейчас интеллигенты вынашивают планы создания особой партии. В декабре 1997 года состоялся Конгресс интеллигенции России. На нем прозвучали и трезвые голоса. Известный актер А. Ю. Толубеев по поводу новой затеи сказал: «Мы начинаем сбиваться в стаю. А стая всегда ведет себя неинтеллигентно» («Судьба российской интеллигенции», материалы научной дискуссии, СПб., 1997, с. 84).

«Кружковая интеллигенция» (кастовая) глубоко убеждена в том, что только она способна изменить мир к лучшему. Физический труд рассматривается ею как примитивное техническое средство для воплощения в жизнь планов, проектов, выработанных в кружках и лабораториях. Это миссионерство интеллигенции началось с народников и по наследству перешло к нам, в советскую Россию. Но еще до революции тот, кто не был отгорожен Китайской стеной от реальной жизни, доказывал всю несостоятельность такого противопоставления труда умственного и физического. В частности, Энгельгардт, наблюдая за работой своих крестьян, писал, что «для достижения степени магистра химии или звания лекаря нужно тринадцать лет... чтобы сделаться магистром, земледельцем, таким, каким бывают настоящие мужики земледельцы, нужно тоже лет тринадцать, нужно тоже учиться с малолетства» (Письма из деревни. М., 1987, с. 326). Наблюдая работу землекопов (грабаров), Энгельгардт отмечает, что их работа требует «умственности», что они «очень интеллигентны и смышлены» и часто исправляют ошибки дипломированных специалистов. А интеллигентный Чехов вообще договорился до того, что объявил: умение хорошо нарисовать лошадь не лучше умения хорошо шить сапоги. Так что интеллигентность — качество индивидуальное, а не сословное. Поэтому физический труд может быть так же интеллигентен, как может быть неинтеллигентным труд умственный.

Барское, высокомерное отношение к физическому труду, к тем, кто им занимается, перешло к нам и дорогой ценой оплачено в советское время. Вспомним только антиалкогольную кампанию, изничтожение виноградников, запреты на труд в под-

собных хозяйствах и многое, многое другое. Ни один колхозник, ни один рабочий, ни одна кухарка не могли бы додуматься до всего того, до чего додумались интеллигенты, строя свой социализм. Но, затевая ту или иную кабинетную авантюру, их-то, «работяг-недоумков», как раз никто и никогда не спрашивал. Противопоставив физический труд умственному, авторы этой идеи, по сути, сделали заявку на то, чтобы стать в новом обществе новыми дворянами, а работника оставить в положении смерда. «Кружковая интеллигенция» мечтала лишь поменять места в формуле «барин — смерд». И это удалось сделать в советское время.

Наблюдая за нами со стороны, присматриваясь к советской интеллигенции и ее роли в общественной жизни России, знаменитый историк культуры, преподаватель нескольких мировых университетов Умберто Эко замечает: «Русское слово «интеллигенция» привилось в европейских языках. Но оно используется для обозначения категории людей, по-французски называемой maitres a penser. Мэтры общественного мнения... Это слово употребляется иронически. В отношении тех, кто беспрерывно вылезает с поучениями. Поэтому русское понятие «интеллигенция» не подходит под европейский термин «intellighenzia». И вообще от наших интеллигентов до ваших интеллигентов — большая дистанция» (Литературная газета, 13 мая 1998 г.).

И, наконец, еще одна важная особенность той категории людей, которые создали в России «кружковую интеллигенцию». Это безграничная ее вера в насилие, с помощью которого якобы можно быстро решить все сложные общественные проблемы. Символом этой веры в свое время стал, как известно, Нечаев, пока его славу не затмили большевики. (Об этой эстафете убедительно писал Ю. Давыдов в статье «Неслучайный Нечаев». Общая газета, 1997, № 39.) Нечаевщина прокатилась по России серией терактов, исполнители которых тут же превращались в героев, в пример для подражания. Весь ужас надвигающейся с этой стороны опасности для России описал Достоевский в романе «Бесы». В. Кантор, анализируя его, очень справедливо замечает: «Предсказаний о большевизме и сталинизме Достоевский не делал. Его задача была сложнее. Россия, считал он, не потому больна, что в ней появился Нечаев, как занесенный извне болезнетворный микроб, а Нечаев и нечаевщина появились потому, что больна Россия. Нечаевщина лишь симптом. Дело не в Нечаеве-Верховенском, Ульянове-Ленине, Джугашвили-Сталине, а в причинах, их породивших. Исследуя только образ беса Верховенского или Шигарева, мы, в сущности, исследуем только последствия болезни, а не самое болезнь. Как замечал С. Н. Булгаков, «Бесы» — роман не о русской революции, но о болезни русской души» (Вопросы философии, 1997, № 5, с. 45).

Вот эту «болезнь русской души» в советское время не только никто не лечил, но ее всячески распространяли, возводили в достоинство. Достаточно вспомнить восстание в Кронштадте, подавление крестьянских восстаний («антоновщина»), выселение целых народов с их родных мест и т. д. и т. д. Насилие насаждалось не только оружием, но и вполне «мирным» путем. Выкручивали руки диссидентам-писателям, академики послушно одобряли травлю А. Сахарова (см. письмо 40 академиков в «Правде» от 23 августа 1973 г.). Было много и других актов нетерпимости, грубого насилия, осуществлявшихся не без помощи интеллигенции или не без ее подзуживания.

Зададимся теперь таким вопросом: а как российская общественность относилась к российской интеллигенции, наследницей которой стала интеллигенция советская? О мнении видных философов России, высказанном в упоминавшемся сборнике «Вехи», здесь уже говорилось: резко отрицательное. Но, может, это «цеховые» разногласия? Обратимся к судьям «нейтральным». В «Бесах» Достоевский так писал о любви интеллигенции к народу: «Вы мало того что просмотрели народ,— вы с омерзительным презрением к нему относились, уж по одному, что под народом вы воображали себе только французский народ, да и то одних парижан, и стыдились, что русский народ не таков».

Чехов тоже отзывался об интеллигентах в высшей степени нелестно: «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо **ее притеснители выходят из ее же недр»** (цитирую по: «Судьба русской интеллигенции»... С. 67. Выделено мной.— **Г. Л.**). В справедливости этих слов мы убеждаемся, к сожалению, и сегодня. Все критикуют Ельцина за непредсказуемость и хотели бы избавиться от его всевластия. Но не тут-то было. Он, как показала процедура импичмента, неуязвим. И таким его сделала интеллигенция. Ведь не доярки, не скотники, не даже шахтеры писали Конституцию, обеспечивая это самое всевластие.

Позволю, для вящей убедительности, привести еще одно высказывание об интеллигенции тоже не пролетария, а видного философа К. Леонтьева: «Народ рано или поздно везде идет за интеллигенцией. Интеллигенция русская стала слишком либеральной, т. е. пуста, отрицательна, беспринципна. Сверх того, она мало национальная именно там, где следует быть национальной. Творчества своего у нее нет ни в чем; она только учится спокон веку у всех и никого ничему своему не учит и научить не может, ибо у нее нет своей мысли, своего стиля, своего быта и окраски. Русская интеллигенция так создана, что она чем дальше, тем бесцветнее; чем дальше, тем сходнее с любой европейской интеллигенцией; она без разбора, как огромный и простодушный страус, глотает все: камни, стекла побитые, обломки медных замков (лишь бы эти стекла и замки были западной фабрики). Страус не может понять, что стекло режет желудок и что медь, окислившись, отравит его. Русский интеллигент не в силах различить стекла и медь от настоящей пищи. Он жрет что попало и радуется» (К. Леонтьев. Восток, Россия и славянство. М., 1996, с. 342).

Можно и дальше продолжить «антиинтеллигентские» высказывания русских интеллигентов. Давайте разберемся. А что же не нравилось образованным людям, интеллектуалам, в образованных интеллигентах? Все. И в первую очередь нетерпимость к чужому мнению, стремление к единообразному мышлению, преклонение перед культом насилия, несостоятельность в практических делах. Иными словами, им не нравится тот вариант казарменного социализма, который «кружковая интеллигенция» хотела насаждать в России.

Чтобы отделить одну категорию интеллигентов от другой, антиподной, Н. Бердяев вводит понятие «интеллигентщина». Иван Ильин, рассматривая это социальное образование, уточняет его, вводя термин **«полуинтеллигент».** И дает ему такую характеристику: «Полуинтеллигент есть человек весьма типичный для нашего времени. Он не имеет законченного образования (в наше время его можно заменить вечерним, заочным или просто купленным дипломом.— **Г. Л.**), но наслушался и начитался достаточно, чтобы импонировать другим «умственною словесностью». В сущности, он не знает и не умеет **ничего,** но отнюдь не знает, где кончается его знание и умение. Он не имеет своих мыслей, но застращивает себя и других чужими, штампованными формулами; а когда он пытается высказать что-нибудь самостоятельное, то сразу обнаруживает свое убожество. Сложность и утонченность мира, как Предмета, совершенно недоступна ему: для него все просто, все доступно, все решается с плеча и с апломбом. Главный орган его — это чувственное восприятие, обработанное плоским рассудком. (Помните лозунг на президентских выборах — «Голосуй сердцем, а то проиграешь»?) Духа он не ведает, над религией посмеивается; в совесть не верит; честность есть для него «понятие относительное». **Зато он верит в технику** (выделено мной.— **Г. Л.**), в силу лжи и интриги, в позволенность порока». Полуинтеллигент, продолжает И. Ильин, не знает о своей полуинтеллигентности. «Он обижен ею, он не прощает ее другим, он завидует, мстит и добивается во всем первенства; он ненасытно честолюбив и властолюбив. И легко усваивает и практикует искусство — играть на чужой, на массовой зависти» (И. Ильин. О грядущей России. М., 1993, с. 18). Узнаете, о ком из современников идет речь?

В наше время многие «вполне» образованные люди также пытаются открещиваться, дистанцироваться от тех, кто, обладая упомянутыми выше качествами, гордо причисляет себя к касте интеллигенции. Солженицын вводит термин «образованщина», который смыкается с понятиями «интеллигентщина» или «полуинтеллигенты». Академик Н. Моисеев уточняет понятие интеллигенции так: «Была интеллигенция и **интеллигенция.** Первая — это скорее некий идеологический фантом. Вторая — моральная и научная категория. Фантомы действительно создавали кумиров, строили им пьедесталы, отливали в бронзу. Интеллигенция же подлинная выполнила свое прямое предназначение — писала музыку, книги, готовила научные концепции, разрабатывала технические проекты, лечила, учила, то есть служила государству, людям, а не системе» (журнал «Российская провинция», 1993, № 1, с. 76).

Наша интеллигенция, та, которая «полуинтеллигенция», унаследовала много плохих качеств от той российской интеллигенции, которую так остро критиковали российские интеллектуалы. Но у духовных родственников советских интеллигентов было одно достоинство — искренняя вера в доброту своих намерений. Н. Бердяев с сочувствием писал: «Интеллигенция была идеалистическим классом, классом людей, целиком увлеченных идеями и готовых во имя своих идей на тюрьму, каторгу и

на казнь. Интеллигенция не могла жить в настоящем, она жила в будущем, а иногда в прошедшем».

Нынешняя интеллигенция, о которой здесь речь, пойдет на каторгу, только когда ее схватят за руку при получении взятки. А в остальное время она готова служить любым властям, которые ее подкармливают. Один дед из «народа», беседуя с интеллигентом, кратко и красочно охарактеризовал это ее качество: «Да у вас шея будет мерзнуть без ошейника». Накопилось много фактов, доказывающих эту горькую истину.

Читатель вновь справедливо заметит: обещаны размышления о реформах, но автор отвлекся на суждения о нашей интеллигенции. Зачем это? Тем не менее одно без другого не может быть понято. Интеллигенция (с большой буквы) не допущена к проведению реформ, ее мнения никак не учитываются. Она, со своими знаниями и высоким авторитетом, нужна властям только как декорация. Не больше. На это и жалуется, в частности, академик Н. Моисеев. Приведу еще несколько строк из его статьи: «Молодое правительство Гайдара было укомплектовано людьми более образованными, чем прежде, но все-таки полуобразованными и недостаточно компетентными... Они не получили фундаментального университетского образования. Они получили отвратительное экономическое и советское общественное образование... Так вот, нас юные правительственные руководители не приняли. Я писал немало писем Гайдару как председатель Совета по анализу критических ситуаций при правительстве. Увы, этот совет мне так и не удалось запустить в ход. Нас курировал вице-премьер Бурбулис, который оказался совершенно здесь несостоятельным». Попытка академика достучаться до таких интеллигентов при власти, как А. Собчак, Г. Попов, тоже не имела успеха. И эти жалобы мы слышим из уст академика, члена Президентского Совета. И не только от него.

Неудачи в проведении нынешних реформ происходят не потому, что их проводит интеллигенция, а потому, что судьба реформ в руках «полуинтеллигентов» с набором тех качеств, о которых речь шла выше. Поэтому генерал Макашов и его поклонники зря ругают нынешних реформаторов. Они одного поля ягодки. И пока «полуинтеллигенты» будут заправлять всеми российскими делами, национал-патриоты могут безбоязненно заниматься своим разрушительным делом. Ворон ворону глаз не выклюет.

Мой дом, но не моя крепость

Медики знают, что самое трудное — это поставить диагноз больному. У его кровати собираются специалисты и спорят о том, от чего же его лечить (?!). Лишь установив это, приступают к делу. У наших реформаторов всех времен на эту первую стадию — определить диагноз, чем больна страна,— нет ни времени, ни желания. Костоломы от реформирования начинают лечить сразу и от всего. На их языке это называется «шоковая терапия». Если же согласиться с предыдущими рассуждениями о том, чем больна Россия, то надо подумать о реализации следующих мер. В первую очередь надо определить **критерий оптимизации деятельности.**

До сих пор выбор его был удивительно прост. То зададимся присоединить какие-то территории (деньги!), то изобретаем новое оружие (деньги!), то — для его же производства — форсируем производство угля и стали (деньги!), то бросаемся мелиорировать земли (деньги!), то целью жизни объявляем низкую инфляцию. Но как все это соотносится с благосостоянием семьи, как отразятся намечаемые меры на жизни человека, никто не задумывается, никто не ведет никакого расчета. Производство ради производства было и осталось целью. До сих пор! И с точки зрения классического марксизма-ленинизма это логично.

Ведь он (марксизм-ленинизм) требует безоговорочного подчинения личного интереса общественному. Хотя что такое «общественный интерес», если он игнорирует личный, понять не только трудно, но просто невозможно. Практика же показала, что нынешний «общественный интерес» — это тот, что возникает в воспаленном мозгу того или иного российского начальства.

На Западе из года в год, из столетия в столетие строительство идет по возрастающей на прочной, как гранит, основе — на основе семьи. В цивилизованных странах веками воспитывалось и воспиталось чувство уверенности: «Мой дом — моя крепость». У россиян, как прежде, так и теперь, нет ничего похожего.

Нет, не все россияне жили всегда только в землянках, бараках, общежитиях, коммуналках. Были у них и свои дома, т. е. четыре стены, покрытые соломенной или — гораздо реже — железной крышей. Но можно ли было российский дом назвать крепостью, надежно защищающей живущую там семью? Нет. При крепостном праве, а оно длилось в России не год, не десятилетие, а столетия, о семье можно было говорить только в биологическом, почти животном смысле. И то сказать: Пушкин, как известно, со знанием дела отмечал, что «здесь девы юные цветут для прихотей развратного злодея». Попробуй, откажи в чем-то этому «злодею». Попробуй, защити семью. Здесь без Пугачева не спасешься. Хозяин-барин мог проиграть в карты любого члена крестьянской семьи, заставить бабу выкармливать грудью породистых щенят...

Конечно, можно сказать, что в 1861 г. крепостное право было отменено и миллионы россиян могли бы наконец свить свое «гнездо». Но де-юре свободный крестьянин, без земли, не может строить своих «крепостей». Не на чем. Российский солдат, а их ой как много нужно, чтобы империя росла вширь, уходил на службу сроком на 25 лет, т. е. на четверть столетия, и, если случайно оставался жив, возвращался в свою семью, в свою «крепость» древним, больным мужиком. Спрашивается: российская солдатка с детьми — это семья? Иными словами, семья, дом как наследственная крепость для россиян — роскошь, допустимая только для избранных из числа самых избранных. В России поэтому нет положительного опыта семейного строительства, но зато есть богатейший опыт жить бродяжничеством, бомжами. Не по своей, не по доброй воле, конечно.

Советская власть окончательно добила институт семьи в России. Марксизм объяснил происхождение семьи из частной собственности. Накапливать, увеличивать собственность имеет смысл лишь тогда, когда человек может передавать ее по наследству. И, как правило, в те руки, которые способны сохранить и приумножить ее.

Советская власть не только экономически, но и морально изничтожила институт семьи. Чего стоит мужчина, муж, который понимает, что он один своим трудом прокормить семью не может? Если это настоящий мужчина, то он начинает комплексовать, а наиболее мужественные присматривают, где бы что украсть, дабы стать достойным добытчиком в семье. И в том и в другом случае это до добра не доводит, поэтому российские тюрьмы и наркολечебницы заполняются «под завязку» и выше. Но и тот мужик, что ведет себя внешне поспокойнее, возвращаясь домой, все свое унижение от российской власти срывает на жене. Что это значит, думаю, не надо объяснять.

На Западе возник рыцарский культ женщины, позволивший тому же Дон-Кихоту даже из простушки Дульцинеи сотворить предмет поклонения. На Руси же женщиной восторгаются только тогда, когда она входит в горящую избу, останавливает на ходу разгоряченного коня или по крайней мере вырабатывает максимум трудодней на колхозном поле. О том, что, уничтожая в семье женщину, мужчина уничтожает тем самым физически и нравственно самого себя и своих детей, задумываются немногие. Властям это очень выгодно. Лучше натравить мужа на жену, жену на мужа, чем допустить выплеск гнева в адрес властей, эксплуатирующих семью сверх всякой меры.

Может показаться, что с самоубийственной политикой в отношении семьи необольшевики попытаются покончить. Не тут-то было! Что касается оплаты труда и прочих условий для расширенного воспроизводства рабочей силы, то тут, как известно, положение не только не улучшилось, но стало во много раз хуже того, что было даже при старых большевиках. Хотя раньше многим казалось, что хуже быть не может. Оказалось, очень даже может.

Зато, скажут, реабилитирована частная собственность и тем самым восстанавливается экономический базис для возрождения семьи. И это тоже неправда. Частная собственность представляет интерес для человека не сама по себе, т. е. не из-за того, что эта вещь «моя». Крестьянин ухаживает за коровой, как за любимой невестой. Но стоит корове потерять молоко, он преспокойно забивает ее и покупает другую, молочную. Частная собственность имеет смысл, пока она приносит доход. Велик ли доход у нынешнего фермера, у «челнока», у хозяина частной лавчонки, у тысяч других мелких частных предпринимателей, появившихся в последнее время? Его вообще может не быть, если новоявленный хозяин не научится уходить от убийственных налогов. Что это значит?

Дело в том, что у собственности, как у медали, есть две стороны, два смысла. Юридический и экономический. Можно быть юридическим собственником, например, данного участка земли, но если весь доход от него поступает в чужой карман, то его экономическим собственником будет тот, у кого окажется тот карман. Напри-

мер, собственником рабочей силы является работник, а доход, который он создает, достается тому, кто его нанимает. Наш нынешний предприниматель стал в лучшем случае юридическим собственником своей собственности, а экономическим — осталось прежнее советское государство и советские ворюги-буржуи. Просто эти отношения между нанимателем и наемником замаскированы лучше, чем прежде.

Никакой наш частник не собственник. Он это прекрасно понимает, поэтому старается выжимать из доставшегося ему имущества больше, чем оно может дать при разумной эксплуатации. «После меня хоть потоп»,— рассуждает новоявленный частник, что находит свое полное подтверждение в прекращении инвестиционной деятельности, в экологических безобразиях. А ведь если вовремя не отремонтировать прохудившуюся крышу, дом может быстро сгнить, а отравленный родник вообще погубит все живое. Это понимают все, кто не вошел в нынешнюю власть.

Частная собственность, несмотря на декларации, не состоялась у нас еще и потому, что земля-то по-прежнему находится в собственности государства. Оно в любую минуту может приказать мне освободить участок, где я поставлю свой ларек или, не дай Бог, свой заводик, если я чем-то, в чем-то окажусь неугодным местному начальству. Вспомните Сивкова — героя знаменитой телеленты «Архангельский мужик». Быстро укатали Сивку крутые (бюрократические) горки. И не одного его, а многих, кто поверил в приватизацию не как в воровскую кампанию, а как в возможность жить своим умом и трудом.

Российская семья как институт по-прежнему не имеет экономического базиса и ускоренно продолжает деградировать под ударами «молодых» и «старых» реформаторов. Их беда, все их неудачи во все времена происходят от того, что они остервенело, без устали борются с человеком, который, если не бомж, живет и работает в ячейке семьи. Итак, первым, главным условием успешного реформирования России является, на мой взгляд, возрождение семьи как основной ячейки государства. А для этого надо всю коммерческую деятельность хозяйственных субъектов **оптимизировать на росте благосостояния семьи.** Проект любой хозяйственной организации должен завершаться расчетами того, что он дает семье, из какого она сословия. И на конкурсе инвестиционных проектов должен побеждать тот, кто докажет реальную возможность помочь семье стать богаче, а не тот, кто ближе к власти.

Как известно, национальную идею России четко сформулировал Феофил Псковский в послании великому князю Московскому Василию III (1479—1533): «Москва — Третий Рим, а четвертому не бывать!» С тех пор Россия не только защищала себя от врагов, но и сама постоянно захватывала все, что плохо лежит. Однако не в коня корм шел. Чем больше расширялись границы империи, тем беднее становились ее граждане, тем уязвимее поэтому была ее мощь, пока совсем не иссякла в ходе «холодной войны». Теперь российские власти судорожно ищут новую национальную идею, но только такую, которая бы реанимировала старую, чтобы возродить Россию сначала в сталинских границах. Но эти усилия тщетны.

Национальная идея, способная возродить Россию, но не российскую империю, крайне проста, поэтому она недоступна нынешним властям: позвольте каждому россиянину превратить его дом в свою крепость! И чем больше будет таких крепостей, тем по-настоящему мощней будет Россия. Но не для того, чтобы давить своих граждан и устрашать соседей, а для того, чтобы обеспечивать их коллективную безопасность и сотрудничество. Вот такую Россию охотно примут не только в европейский дом, но и в любое другое приличное общество. Только те реформаторы, которые найдут силы, чтобы отбросить древнюю, амбициозную национальную идею, и возьмутся за реализацию той, о которой здесь речь, смогут спасти страну. Но это безумно трудно сделать, поскольку все прошлые и нынешние власти никогда не поступались своими групповыми интересами даже тогда, когда им грозит гибель.

Если же направить всю деятельность россиян на то, чтобы каждый нормальный человек превратил свой дом в свою крепость, то надо наконец **решить земельный вопрос.** О первостепенном его значении хорошо говорил Достоевский: «Хлопочут, например, у нас теперь о просвещении, о народных школах, а я вот верю только тому, что школы тогда только примутся у нас серьезно и основательно, когда землевладение и земледелие наше организуется у нас серьезно и основательно, и что скорее не от школы получится хорошее земледелие, а, напротив, от хорошего лишь земледелия (то есть от правильного землевладения) получится хорошая школа, но никак не раньше. Параллельно с этим примером и все: и порядки, и законы, и нравственность, и даже сам ум наций, и все, наконец, всякое правильное отправление национального организма организуется лишь тогда, когда в стране утвердится прочное землевладение. То же самое можно сказать и о характере землевладения: будь характер аристократический, будь демократический, но каков характер землевладения, таков и весь характер нации» (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. М., 1989, с. 435).

На ничейной, как сейчас, земле могут быть только такие, как сегодня, порядки, а жить и работать только такие люди, которым эти порядки подходят. Чтобы твой дом стал твоей крепостью, **надо еще и уйти от традиционной советской «продразверстки», перейти к «продналогу».** Ну какой дурень будет ломаться ради увеличения прибыли своего дела, если весь ее прирост отберут силовые государственные органы. Определите общую сумму изъятия, стабильную на несколько лет, тогда предприниматель будет заинтересован модернизировать производство, чтобы больше осталось денег в семье. Ведь эта «примитивная» логика оправдала себя в отношениях с крестьянами во время нэпа. Но она применима и к промышленности, и к торговле.

Надо наконец отказаться и от излюбленного советского «остаточного» принципа при формировании оплаты труда, последовательно и до конца осуществленного в колхозах при оплате трудодней. Весь год колхозник работал, а в конце ему объясняли, что денег в кассе нет — одни долги. Такой порядок оказался настолько привлекательным, что нынешние власти распространили его, как известно, на все другие отрасли деятельности. Шахтеры, учителя, оборонщики... поставлены в то положение, в котором десятилетиями находились колхозники. Теперь им не так одиноко.

Планирование любого производства надо начинать не с расчетов потребностей кирпича, бензина, сырья для выпуска партии продукции, а с фиксации под эту партию гарантированного, достаточно высокого минимума зарплаты. Кто не может ее выплатить, тот не должен получать лицензию на ведение дел. А за невыплату гарантированной оплаты труда надо виновников отправлять в долговую яму с конфискацией имущества. Вот тогда администрация убыточных предприятий, не выплачивающая месяцами зарплату своим рабочим, но возводящая неизвестно из каких средств шикарные виллы, вольготно разъезжающая в свое удовольствие по белу свету, подожмет хвост.

Следует наконец понять, что в рыночной экономике зарплата — не только акт социальной справедливости, но и главное условие существования самого рынка. Рынок, заваленный товарами, но без толпы покупателей — это кладбище, на котором захоронен труд тысяч людей, это одновременно памятник беспросветной экономической тупости властей.

Стремление к благосостоянию семьи по российским, по большевистским меркам — это самый верный признак бездуховности, непатриотичности, «шкурничества». Но есть и другое мнение на этот счет. Издеваясь над лицемерием аскетов, Б. Шоу писал: «Учить детей, что грешно стремиться к деньгам, это значит доходить до крайних пределов бесстыдства в своей лжи, растленности и лицемерии. Всеобщее уважение к деньгам — это единственное в нашей цивилизации, что дает надежду, единственное здоровое место в нашем общественном сознании. Деньги важнее всего, что есть в мире. Они являются столь же ярким и бесспорным отражением здоровья, силы, чести, щедрости и красоты, сколь бесспорно болезни, слабость, бесчестие, низость и уродство отражают их недостаток. Не последним из их достоинств является то, что они сокрушают людей низких с той же неизменностью, с какой укрепляют и возвышают людей благородных. И только когда они удешевляются до степени обесценения в глазах одних людей и удорожаются до степени недосягаемости в глазах других, только тогда они становятся проклятием.

Короче говоря, они являются проклятием только при социальных условиях, настолько глупых, что сама жизнь при них становится проклятием. Потому что оба эти понятия неразделимы: деньги — это кассир, который делает возможным распределение благ жизни среди членов общества... И первый долг гражданина требовать, чтобы деньги представлялись ему на разумных условиях; а это требование несовместимо с тем фактом, что четыре человека получают за двенадцать часов изнурительного труда по три шиллинга каждый, а один человек ни за что ни про что тысячу фунтов.

Вопиющая нужда народа требует не улучшения нравов, не удешевления хлеба, не воздержания, не свободы, не спасения наших падших сестер и заблудших братьев,

не милости, не любви, не братства во имя спасения святой троицы, а просто-напросто денег в достатке. И зло, на которое нужно вести наступление,— это не грех, не страдание, не алчность, не козни духовенства, не слабость правления, не демагогия, не монополия, не невежество, не пьянство, не война, не мор и никакой из прочих козлов отпущения, которые хотят принести в жертву реформисты,— а деньги» (Э. Хьюз. Бернард Шоу. М., 1968, с. 116).

Нашим реформаторам надо бы услышать мудрого Б. Шоу. И не только его. И Ильин о том же самом говорил: «Личное обогащение станет источником всенародного богатства» (И. Ильин. О грядущей России. С. 218). Конечно, как показывает жизненный опыт, личное обогащение только тогда бывает благом, когда общество способствует развитию созидательных, а не разрушительных потребностей. Но сейчас россиян всеми способами толкают к тому, чтобы они, как всем известная Эллочка-людоедочка, пытались бы жить по-американски. Хотя это невозможно ни по экономическим, ни по ментальным причинам. Но куда денешься от властей, которые делают невозможными инвестиции в производство, предлагая взамен богатую программу прожигания жизни. Реформируя Россию, нужно всерьез задуматься о разработке действенной модели иерархических потребностей разных слоев населения и производственных возможностях их удовлетворения. Нельзя жить так, чтобы россиянам предлагалось купить «мерседес», но было б невозможно купить телегу и конскую упряжь. Обогащение в таких условиях самоубийственно.

Не нужно особого ума, чтобы понимать первоочередную необходимость упомянутых выше мер. И если наши реформаторы не принимают их, то не по глупости, а по соображениям личной и групповой выгоды. Кто же из нынешних хозяйственников любого уровня будет себе врагом, т. е. возьмет всю материальную ответственность за выпуск нерентабельной продукции на себя лично? «Наш» капитализм тем и отличается от «их» капитализма, что в России по-прежнему никто не несет никакой ответственности за высокоНЕквалифицированный управленческий труд. Вернее, вся ответственность управленцев возлагается на тех, кем управляют. Ну кто решится отказаться от такой благодати?

Не только хозяйственники, но и чиновники не захотят допустить перемещения центра тяжести из своих «судьбоносных» кабинетов в семейный круг. Сейчас достаточно росчерка пера нескольких высоких чиновников, и вся страна может оказаться втянутой в сомнительную или просто губительную авантюру. Например, задумал однажды всесильный телохранитель президента, вчерашний низший милицейский чин, с помощью вице-президента и выдвинутого ими на пост первого вице-премьера построить всего за 6,5 миллиарда долларов в память о себе второй БАМ — скоростную железную дорогу Москва—Петербург — и в два счета «обтяпали» все это дело. Кого, что, почем возить по этой дороге, как и по недостроенному БАМу? Никто не знает... А если бы эти деньги лежали в кармане у тебя, читатель? Сколько сил, сколько аргументов надо было бы привести для того, чтобы их выманить, чтобы убедить тебя стать акционером. Чужие деньги всегда тратятся легко и неразумно. Примеров тому советская власть дала превеликое множество. Постсоветская власть от советской в этом смысле ничем не отличается. И прежде всего потому, что формируется она так же закулисно и преступно, как прежняя.

Хозяином в «демократической» России становится всенародно избранный человек. Всенародные выборы стали лучшим способом, чтобы к власти приходили худшие люди. Необольшевики наглядно доказывают это. Проф. Б. Грушин, глубоко изучивший механизм организации всенародной любви к народным избранникам, пишет об этом так: «Как показали выборы 1995—1996 годов, в электоратах наших лидеров и партий твердые последовательные сторонники составляют не более 15 процентов, а привязанности абсолютного большинства избирателей случайны и неустойчивы. Довольно значительная часть электората буквально до дня голосования болтается, как цветок в проруби, по нескольку раз меняя свои предпочтения. В ходе думской предвыборной кампании 1995 года, например, четверть избирателей за три месяца до выборов пересматривала свою позицию по 3—6 раз. Конечно, это совершенно нелепое поведение, оно свидетельствует о том, что большинство граждан не понимают смысла происходящего и не имеют политических убеждений.

Прибавим сюда еще один фактор — чрезвычайно распространенную в нашем обществе нелюбовь к власти. В этой ситуации выборы превращаются в антивыборы, когда многие избиратели руководствуются не симпатиями, а антипатиями. Такой избиратель может симпатизировать, скажем, Явлинскому, но голосовать за Зюганова, чтобы навредить Ельцину. Давайте поднимем опросные листы 1996 года — за два месяца до президентских выборов 68 процентов наших респондентов уверенно заявляли, что не будут голосовать за Ельцина ни при каких условиях. Эта цифра повторялась из опроса в опрос, а в конце концов Ельцин набрал 53 процента голосов. После чего его личный рейтинг снова провалился до исходного уровня.

Грубо говоря, победить у нас может кто угодно. Если опять будет выдвигаться Ельцин — он и победит. А может, Черномырдин или какой-нибудь бывший секретарь райкома из Калмыкии — коли его изберут единым кандидатом от партии власти и поддержат финансовый капитал, хозяева масс-медиа, региональная элита. Другими словами, исход борьбы за Кремль лишь в самой незначительной степени зависит от того, сколько в нашем сегодняшнем электорате левых и правых, патриотов и западников, гораздо важнее, как разложатся интересы политической элиты, финансовые и информационные ресурсы, мобилизуемые на выборы» (Общая газета, 1998, № 17).

Формирование властей в России всегда происходило по классовому принципу. При царях — из богатых, при большевиках — из бедных. Результат их правления почти одинаковый. Поскольку еще О. Уайльд заметил: «Есть только один класс людей, которые еще более своекорыстны, чем богатые, и это — бедные». На человеческую природу следует посмотреть не с позиций «богатые—бедные», а с генетической.

Дело в том, как убедительно доказывают авторы новой теории антропогенеза (Б. Ф. Поршнев. О начале человеческой истории. М., 1974. Б. Диденко. Хищная власть. М., 1977; Цивилизация каннибалов. Дружба народов, 1996, № 1), что мы **ошибочно считаем, будто человечество является единым видом.** На самом деле это не так. Оно исторически состоит из четырех видов, два из которых — хищные, с ориентацией на людей. «Лишь относительно недавно стало ясным, что основные различия между людьми — это нравственные врожденные установки»,— пишет Б. Диденко. Не цвет кожи, не расовые и классовые признаки разделяют людей, а нравственная ориентация. Не может Айболит стать мясником, не может мясник стать Айболитом! Не тот рушил в России храмы, дворцы, усадьбы, кто их строил. Кто рушит, тот не умеет строить. Это абсолютно разные люди, только внешне якобы похожие. Разве можно Ивану Грозному и Малюте Скуратову, Сталину и Берии, Гитлеру и Пол Поту объяснить, что они нелюди, оборотни, принявшие внешний облик человека? И это не их шизофрения, не патология, а генная их установка, которую нельзя изменить насильным чтением им вслух Пушкина, Тургенева, Шекспира... Б. Диденко пишет: «Иллюстративно сравнение человечества с семейством Canis (Псовые), в котором примерно так же соотносятся между собой волки, шакалы и собаки разнообразных пород — этих последних большинство. В нашем контексте понимания хищности карликовая такса гораздо ближе и роднее огромному сенбернару, нежели волк — по отношению к овчарке, т. е. хотя этих последних и отличить-то внешне друг от друга затруднительно, тем не менее самое важное различие между ними состоит в том, что такой «серый братец по крови» может запросто и с превеликим удовольствием сожрать зазевавшуюся подругу».

Парадокс человечества в том, что людьми правят, как правило, хищники, у которых отработана безупречная система лидерства, начисто исключающая такие «предательские» слабости, как совесть, сострадание. И еще из Б. Диденко: «С человеческой точки зрения все эти Александры и Петры Великие, эти гениальные Наполеоны и бесноватые фюреры Гитлеры заслуживают, сообразуясь с нравами тех эпох, в которых они орудовали, содержания в клетке, в яме, на цепи, в тюрьме замка Иф и мюнхенской психиатрической клинике соответственно».

Реформаторы на Руси подбираются во все времена из числа хищников. Как же их изолировать? Конечно, не анонимными всенародными выборами. В общем стаде нескольким «хищникам» с их повадками легче пробиться к вожделенному корыту власти.

Предвидя вот это, И. Ильин предупреждал: «Россия нуждается в такой системе выборов, которая дала бы верный способ найти и выделить подлинно лучших людей к власти. В этих выборах **лучших людей** не могут и не должны участвовать члены интернациональной партии, заведомые губители и палачи русского народа, «нырнувшие коммунисты», перекрасившиеся предатели и т. д. А это означает, что эти выборы не могут быть **ни всеобщими, ни прямыми.** Лучших людей могут найти только те, которые не утратили чести и совести, те, которые **страдали,** а не те, которые **пытали страдальцев.** Иначе Россия опять будет отдана во власть **политичес-**

кой черни, которая из **красной** черни перекрасится в **черную** чернь, чтобы создать новый тоталитаризм, новую каторгу и новое разложение» (И. Ильин. О грядущей России. С. 249).

Избиратели должны выбирать только своих депутатов, которых они знают насквозь и глубже. **Причем всенародные выборы должны стать в том смысле все-народными, что каждый уровень делегирует своих выборщиков для избрания там тех, кто будет голосовать за вышестоящую власть.** Осознание крайней необходимости такого, не механического подхода к утверждению демократии начинает проникать в умы тех, у кого он есть. Фазиль Искандер пишет: «В двадцать первом веке, я надеюсь, во всех развитых странах всеобщая избирательная система будет отменена как достаточно глупая и ненадежная. Избирать правителей в каждой стране будут триста—четыреста специалистов высочайшего класса (лучшие философы, лучшие экономисты, лучшие писатели, лучшие журналисты, лучшие юристы и так далее). И хотя и тут есть шанс, что будут выбраны не самые лучшие и гуманные люди, но даже при том они будут на несколько голов выше тех, которые проходят по закону о всеобщих выборах» (Московские новости, 1998, № 21).

Подобное фантастическое требование может показаться неисполнимым, если посмотреть на электорат таких отцов демократии, как Марычев, Жириновский, Мавроди... Но, с одной стороны, иного выхода, кроме как выполнить его, нет, если только хотеть выжить. А с другой — так ли уж необычно желание вручать руль управления (не машиной, а...) государством надежным людям?

Еще более аргументированно по этому поводу высказывается А. И. Солженицын: «Всеобщее и равное» — при крайнем неравенстве личностей, их способностей, их вклада в общественную жизнь, разном возрасте, разном жизненном опыте, разной степени укорененности в этой местности и в этой стране? То есть торжество бессодержательного количества над содержательным качеством. И еще, такие выборы («общегражданские») предполагают **неструктурность** нации: что она есть не живой организм, а механическая совокупность рассыпаемых единиц. «Тайное» — тоже не украшение, оно облегчает душевную непрямоту или отвечает, увы, нуждам боязни. Но на Земле и сегодня есть места, где голосуют открыто. «Прямое»... особенно спорно в такой огромной стране, как наша. Оно обрекает избирателей **не знать** своих депутатов — и преимущество получают более ловкие на язык или имеющие закулисную поддержку» (А. Солженицын. Как нам обустроить Россию. СПб. 1990, с. 39).

Поскольку у России есть опыт демократии лишь в далеком, далеком прошлом, над которым все, кто только может, изгаляются: «Развели здесь новгородское вече»,— то разумно спросить: были ли охлократами новгородские демократы? Академик Янин на этот счет говорит не о своих патриотических эмоциях, а об археологических свидетельствах российской демократической зрелости. «Новгородские находки,— пишет он,— опровергли несколько застарелых заблуждений историков (а нас, грешных-то?) — и о неграмотности жителей средневековой Руси, и о том, что они не знали ремесел, и о том, что русское государство, возникнув как единое целое, развалилось в процессе удельной раздробленности». Все не так, говорит академик Янин. И новгородское вече не было огромной, неуправляемой толпой. «Археологи,— свидетельствует Янин,— изрыли все Ярославово дворище, где, как известно из летописи, собиралось вече. И ни одного замощенного или утоптанного участка не нашли. Осталось единственное место, соответствующее летописным указаниям,— возле Николо-Дворищенского собора, где могут разместиться от силы пятьсот человек. Из летописи известно, что на вече не стояли, а сидели. Так что и представления о буйной толпе, которая, сходясь на вече, решала вопросы криком, не соответствуют действительности.

Кто же были эти пятьсот человек? На территории Новгорода в то время находилось примерно полтысячи усадеб крупных землевладельцев. Иными словами, вече было узкосословным органом бояр и крупнейших землевладельцев. Рядовые новгородцы, по-видимому, сидели вокруг да около, на деревьях и заборах, проникаясь иллюзией приобщения к руководству государством. Это сознание приобщенности сильно воздействовало на людей и давало простор творческой инициативе» (Общая газета. 1998, № 14).

Обществом всегда управляет меньшинство. Важно сделать так, чтобы это меньшинство было не анонимным, состояло не из «хищников» и несло бы материальную и юридическую ответственность не перед историей, а прежде всего перед живущими соотечественниками. Конечно, России до этого далеко. Но это единственное условие ее сохранения.

Всю советскую жизнь, которая продолжается и сейчас, мы прожили в непоколебимом убеждении, что только большинство знает путь к счастливой или по крайней мере нормальной жизни. Голосование на выборах, всякого рода референдумы, вычисление рейтингов выявляют мнение большинства, которое объявляется «гласом Божьим». А меньшинство? Меньшинство считается изгоями. Ему позволяется в лучшем случае подчиняться большинству, если оно, это большинство, вообще согласится так или иначе терпеть «отщепенцев». Но терпения-то на Руси всегда не хватало тем, у кого сила, за кем организованная толпа, т. е. большинство!

Будет ли лучше, если не большинство, а меньшинство, пусть даже самое справедливое и квалифицированное, станет навязывать свою мудрую волю обществу? Уверен, что нет. Если одна часть общества навязывает другой свои рецепты, как жить,— мира не может быть. Те, кого подавляют, найдут скрытый, а потом и открытый способ, чтобы заявить о своем несогласии.

Учитывая это, в развитых демократиях начинают так совершенствовать механизм политического устройства, чтобы большинство не подавляло меньшинство, но чтобы и меньшинство не смогло терроризировать всех окружающих. Эта система, получившая название «консенсусная», только складывается, но за ней будущее (И. Базилева, П. Эмерсон. Консенсус. Новый мир, 1990, № 3). В становлении этой системы россияне могли бы сказать свое веское слово, поскольку опыт славянского демократизма включал не только делегирование власти авторитетным, не анонимным депутатам, но и обязывал их достигать компромисса между мнениями большинства и меньшинства во имя сохранения гражданского мира («соборность»). На Руси уже давно поняли, что даже худой мир всегда лучше большой драки и что когда господа дерутся, то у холопов чубы трещат. Но понять эти истины — одно, а создать механизм согласования, а не подавления различных интересов — другое. Однако постепенно практика этот разрыв стихийно уменьшает. Надо этой стихии осознанно помочь быстрей развиваться.